

глазах, то вид того, как собака раздирает зайчонка, слабого – более сильный, трусливого и робкого – свирепый, наконец, невинного – жестокий, вид этого скорее должен вызывать сострадание. Поэтому все это занятие охотой как дело, не достойное свободных людей, утопийцы перебросили мясникам (выше мы уже сказали, что это ремесло возложено у них на рабов). Утопийцы полагают, что охота – это самая низкая часть дела мясников, прочие части этого занятия почетнее и полезнее, поскольку они гораздо более выгодны и губят животных только в силу необходимости; охотник же ищет в убийстве и травле несчастного зверька исключительно только удовольствие. Утопийцы считают, что неодолимое желание видеть смерть, хотя бы даже зверей, возникает от жестокости души или при постоянном испытывании этого свирепого удовольствия, что в конце концов приводит к ожесточению.

Несмотря на то что это и все такого рода вещи, а их неисчислимо множество, обычно люди считают удовольствием, утопийцы, однако, разумеется, полагают, что так как по природе в этом нет ничего приятного, то к истинному удовольствию это не имеет никакого отношения. Ибо то, что в общем это наполняет чувства приятностью (это люди и принимают за удовольствие), несколько не понуждает утопийцев отступить от своего мнения. Ибо причина этого не в природе самого дела, а в извращенной привычке людей. Из-за этого порока получается, что горькое люди принимают за сладкое. Подобно тому, как беременные женщины по испорченному своему вкусу полагают, что смола и сало слаще меда. Ничье, однако, суждение, искаженное болезнью или привычкой, не может изменить ни природу других вещей, ни природу удовольствия.

Утопийцы считают, что существуют различные виды удовольствий, которые они и признают истинными. Одними они наделяют дух, другими – тело. Духу они приписывают понимание и ту сладость, которую порождает созерцание истины. Сюда же относится приятная память о хорошо прожитой жизни и несомненная надежда на будущее благо.

Телесные удовольствия они делят на два рода, из которых первый тот, который наполняет чувство заметной приятностью, что бывает при восстановлении тех частей, которые исчерпал пребывающий внутри нас жар. И это возмещается едой и питьем; другой род удовольствия – в удалении того, чем тело переполнено в избытке. Это случается, когда мы очищаем утробу испражнениями, когда прилагаются усилия для рождения детей или когда, потирая и почесывая, мы успокаиваем зуд какой-нибудь части тела.

Иногда же удовольствие возникает, не давая того, что желают наши члены, не избавляет их от страдания; однако это удовольствие щекочет и трогает наши чувства, привлекает к себе какой-то скрытой силой, но заметным действием. Такое удовольствие люди получают от музыки.

Другой род телесного удовольствия, считают они, тот, который заключается в спокойном и безмятежном состоянии тела, то есть у каждого это, конечно, здоровье, не испорченное никакой болезнью. Действительно, если человека не одолевает никакое страдание, то здоровье радуется само по себе, даже если и не присутствует здесь никакое удовольствие, полученное извне. Хотя это менее заметно и менее дает чувству, чем ненасытимое желание есть и пить, однако тем не менее многие считают, что здоровье – величайшее удовольствие; почти все утопийцы полагают, что это – великое удовольствие, а также как бы основание и опора всего, что только могут дать спокойные и желанные условия жизни; когда же нет здоровья, то не остается совсем никакого места для какого бы то ни было удовольствия. Ибо отсутствие боли, если при этом нет здоровья, они называют скорее оцепенением, а не удовольствием.

Уже давно утопийцы после усердного обсуждения отвергли мнение тех, кто не считал, что надобно видеть удовольствие в прочном и нерушимом здоровье; они говорили, что если это удовольствие существует, то его можно почувствовать только разве при каком-нибудь движении извне. Ныне же, напротив, почти все утопийцы сошлись на том, что здоровье для удовольствия важнее всего. Они говорят, что если болезни присуще страдание, которое столь же непримиримо враждебно удовольствию, сколь, наоборот, болезнь враждебна здоровью, то почему в свой черед нерушимое здоровье не может содержать в себе удовольствия? Они полагают, что здесь совсем не важно сказать, является ли болезнь страданием или страдание присуще болезни – в обоих случаях получается одно и то же. Ведь если здоровье и есть само удовольствие или если оно необходимым образом порождает удовольствие, как огонь создает жар, то, конечно, в обоих случаях получается, что удовольствие не может отсутствовать у тех, кто обладает крепким здоровьем.

Кроме того, утопийцы говорят: что иное происходит во время нашей еды, как не борьба здоровья, которое начинает ухудшаться, против голода? (При этом пища здесь – соратник по ору-